МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/55/25

И.Т. Касавин

ЭТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС НАУКИ: МЕЖДУ АБСОЛЮТОМ И СОЛИДАРНОСТЬЮ¹

Предметом статьи являются проблемы построения непротиворечивой этики науки, способной обеспечить, с одной стороны, солидарность научного сообщества и, с другой стороны, критическое мышление ученого в поиске нового истинного знания.

Ключевые слова: этика науки, история науки, научное сообщество, наука как профессия и призвание, дар, наука как общественное благо.

Невозможность этики

Исходным пунктом нашего рассуждения являются два ключевых вопроса в отношении эпистемической и нормативной структуры этики науки. В состоянии ли этика науки предоставить непротиворечивое руководство для деятельности и коммуникации в научном сообществе? В чем источник перформативной силы этико-научных императивов? Самые простые и очевидные ответы на эти вопросы являются отрицательными, и в этом убеждает, на первый взгляд, позиция Л. Витгенштейна. У него мы находим мысль о том, что этика – это сфера мистического и невыразимого [1. С. 132]:

«6.42. ...не может быть никаких предложений этики. Предложения не могут выражать ничего высшего.

6.421. Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна».

Как и многие иные мысли и фразы этого мыслителя, данная идея этики инспирировала множество интерпретаций. И тому есть немало оснований. Если в оригинале «Трактата» Витгенштейн использует немецкий термин «transzendental», намекающий на И. Канта, то в «Дневниках» об этике говорится как о «transzendent». Можно принять всерьез эту смену терминологии и оценить ее как переход от абсолютистского к эпистемологическому видению природы этических высказываний. Абсолютистский подход отсылает к запредельной природе этического дискурса. В мире нет ничего, чтобы могло служить денотатом этического суждения. В отличие от него, эпистемологический подход рассматривает этику как условие возможности наших фактических суждений о мире. Этика как сфера должного находится за пределами фактичности, но она делает мир осмысленным для человека подобно тому, как логика делает мир мыслимым в категориях. Другими словами об этом

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» И.Т. Касавиным, руководителем проекта и президентом Русского общества истории и философии науки.

говорит, по-видимому, следующая цитата: «Мы показали, что методом радикальной изоляции тривиальных и этических смыслов Витгенштейн решает принципиально другую задачу: демонстрируя зазор между тривиальными и реальными представлениями, он подводит читателя вплотную к „исчезающим“ этическим „смыслам“, не имеющим никаких естественных объяснений, но в то же время присутствующим в естественном понимании реальности» [2. С. 194].

Вынужденно оставляя за скобками дальнейшие споры по данному поводу, мы полагаем, что Витгенштейн в любом случае привлекает внимание к невозможности утилитаристской редукции этики и одновременно к фундаментальной трудности рационального выражения и обоснования этических установок и интуиций. На наш взгляд, это положение дел создает особую проблему для этики науки. Она призвана, с одной стороны, быть краеугольным камнем солидарности, цементирующей научное сообщество в условиях внешних угроз и внутренней амбивалентности ученого (Р. Мертон). И с другой стороны, она должна обосновывать научную деятельность как следование особому призванию к чему-то более высокому, чем природа человека или социальный институт науки (М. Вебер). Этика науки предназначена, тем самым, для того, чтобы легитимировать науку изнутри и снаружи, т.е. побудить самих ученых уважать друг друга и одновременно убедить общество в том, что наука достойна выделенного социального статуса. Парадоксально, что условием возможности этики науки выступает, помимо прочего, недостаточность логической и фактической аргументации для достижения данных целей. Быть может, функция этики науки состоит в разработке и поддержке того, что можно назвать «новым мифом науки»? В эпоху постмодерна одни мифы претерпевают деконструкцию, но другие активно возрождаются. Почему бы науке не изыскать себе мифический фундамент? Иное дело, что абсолютом, находящийся в центре такого мифа, нужно истолковать в секулярном духе. Этот абсолютом должен быть каким-то образом историзирован, укоренен, обоснован, причем без использования логического круга.

Миф науки: его иллюзии и риски

Впрочем, интуиция подсказывает, что миф науки, возникший в эпоху Просвещения, никуда не исчез, но, напротив, играет особую роль в современной культуре и даже является неотъемлемым элементом общества знания. Иное дело, в какой форме он существует, какие роли играет и подлежит ли трансформации. По всей видимости, его двумя основными функциями сегодня являются легитимация рационального мировоззрения и пропаганда идеологии сциентизма. Как ни парадоксально, но обоснование рациональности не может быть полностью рациональным, оно должно опираться на некоторые культурно-исторические архетипы. Длительная история философского и научного рационализма в европейской культуре придала мифу науки очевидность, достигшую кульминации в эпоху Просвещения. Однако в эпоху постмодерна миф науки приобретает исключительную амбивалентность и испытывает все большее давление. Две мировые войны сильно потрясли трон науки, продемонстрировав ее слабость и политическую зависимость как социального института. С одной стороны, фундаментальной науке в большинстве стран сегодня не хватает рациональных аргументов для обеспечения

конкурентного финансирования и общественного авторитета. Ее не спасают ни апелляции к рациональной картине мира, ни будущие возможности практического использования результатов фундаментальных исследований. Наука как «башня из слоновой кости», «Касталия» продолжает свое существование, но лишь как все более сужающееся поле элитарной культуры.

С другой же стороны, идею науки все больше приватизируют прикладные исследования, результаты которых могут быть коммерциализованы. И они же убеждают в истинности сциентизма, согласно которому любые социальные проблемы могут быть решены с помощью научных технологий. И это воскрешает миф науки уже в ином, упрощенно-прагматическом виде, в стиле общества потребления. Так, деконструкция интеллектуального мифа науки в постмодерне совпадает с воспроизводством его технократического измерения в интересах власти и бизнеса.

Итак, миф умирает, но да здравствует миф! Воскрешение мифа науки возможно лишь в форме его самокритики. Предстоит, с одной стороны, вывести науку из заточения в Касталии, а с другой – обосновать ее как общественное благо, не подлежащее тотальной приватизации в бизнесе¹. И для этого нужно более внимательно посмотреть на саму науку в ее внутреннем и внешнем измерении, в ее истории и современном состоянии. Тогда мы увидим, что образ «башни из слоновой кости», или «игры в бисер» у Г. Гессе, не схватывает специфику науки, но, напротив, уподобляет ее эзотерической религии или искусству ради искусства. Философы науки, обосновывавшие особый эпистемический статус науки, шли иным путем. Они апеллировали к внутренней истории науки, которая, представляя развитие знания как реализацию методологических норм теоретического, эмпирического и инструментального характера, создает образ науки как профессиональной деятельности. Отсюда и нормы профессиональной этики, укрепляющие единство научного сообщества («минимальная этика»). Однако внутренняя история науки нередко описывает научную деятельность как адаптивную социализацию и профессиональную рутину (Т. Кун). Наука предстает как «фабрика знаний», где не место творческому порыву. Она не предлагает адекватного понимания природы научного призвания, не вскрывает необходимых условий индивидуального выбора научной деятельности как особой профессии. С точки зрения парадигмального сознания «нормального ученого», в науке действует стандартный регламент коллективного поведения, цель которого – единство научного сообщества (Р. Мертон). Но тогда этот регламент создает лишь иллюзию этического кодекса: он не предполагает индивидуального ответственного выбора.

Со своей стороны, внешняя история науки, указывающая на решающее влияние социальных и культурных факторов в развитии знания, вновь нивелирует различие между наукой и иными профессиями. Следование научному призванию выступает как внезапный поворот флюгера, открытого всем ветрам. Такой подход, акцентируя контингентность и неопределенность выбора, убеждает в его непостижимой загадочности и одновременно реконструирует его как необъяснимое сопротивление обстоятельствам, диссидентство. Пусть

¹ Последняя угроза для России еще преждевременна, поскольку бизнес слабо осознает ценность науки. Иное дело, что российский бизнес представляет собой кентавра с телом предпринимателя и головой чиновника. Так что науке еще предстоит испытать особую «приватизацию по-русски».

внешняя детерминация научного призвания намекает на некий абсолютизм, призыв которого услышал будущий ученый и который привел к революционному перевороту в сознании. Однако с точки зрения революционного сознания этика вновь невозможна, поскольку представляет собой апелляцию к абсолюту в условиях, когда все абсолюты рушатся. И даже если в этот период времени и культивируется ценность личности на фоне атомизации и распада научного сообщества, то разве совместима этическая позиция с эгоцентризмом и нарциссизмом?

Таким образом, ни внешняя, ни внутренняя истории науки по отдельности не дают однозначного объяснения призванию ученого. Наука, понятая в контексте ее собственной истории, не обнаруживает потребности в призвании и не укореняется в мифе.

Дар – основа мифа науки

В таком случае единственным способом обосновать призвание выступает отказ считать его феноменом, рядоположенным науке, принадлежащим к той же самой социально-исторической общности. Призвание не вписывается в синхронный порядок социальных отношений иначе как нечто, выходящее за их пределы, как их предтеча, как *доисторическое* явление. Это та самая глубинная историчность бытия, *первичное историческое событие*, которое делает историю науки возможной. И здесь возникает искушение понять научное призвание как жертву и как дар. *Наша гипотеза состоит в понимании научного призвания как архаического в своих истоках, резидуального феномена, подобного дару с его амбивалентностью.*

Известно, что первые социальные отношения, а именно договорно-торговые отношения между людьми, изначально формировались, копируя договор с божеством, которому приносилась жертва в надежде на поддержку с его стороны (история Авраама). Отсюда постепенно возникает «экономика дара» [3], в которой социальные отношения иницируются «церемониальной торговлей», т.е. обменом добровольными дарами. Дарение формирует систему социальных ролей (дарители и одаряемые, кредиторы и должники) и статусов (даритель, отвергающий дары, с одной стороны, и одаряемый, не возвращающий долгов, с другой). Научное призвание в этом контексте выступает как дар (божественный или иницированный учителем). И этот дар требует ответных даров – ученый обязан одарять знаниями своих учеников и всех окружающих. В пределе его обязательства состоят в трансляции не только знаний, но и дара призвания, на чем зиждутся бескорыстные отношения внутри науки и вовлечение в нее новичков. Однако дар являет себя и другой стороной: это тяжкое бремя, которое не всякому по плечу. С одной стороны, он предоставляется безвозмездно, с другой – его нельзя отвергнуть; он дается без просьбы, но его не получится и принять в точном виде; он отдается, но и сохраняет в себе требование возврата. Это, так сказать, *форма свободной несвободы*. Призвание как внутренняя устремленность делает человека свободным от внешних социальных стандартов, но есть и форма его изначальной несвободы как избранности. Избранность как одаренность ставит человека в зависимость от дара, которым нужно поделиться, но от которого невозможно избавиться. Дар создает бескорыстные отношения и служит основой солидарности; дар порождает зависимость, зависть и разобщение.

Дар ставит человека в круг обязательств, превращающийся в гонку за статусом главного дарителя, высшей мечтой которого является полное одиночество. Так миф науки включает в себя счастье призвания, одаренности, творчества наряду с трагедией неприкаянности, непризнанности, бездарности.

Внутренняя история науки дает практическую основу для профессиональной этики ученого; внешняя история науки соразмеряет последнюю с общечеловеческими ценностями. Призвание же предоставляет этике науки искомый абсолют: автономную область рискованной и ответственной деятельности («глобальная этика»), «существование без знамений», не как следствие чего-то иного, но как архитектурный пример для остальных.

Понятая таким образом этика науки создает особые условия для функционирования социального института науки и науки как формы общественного блага. Научный критицизм избавляется от своего парадоксального образа («Поппер 0», по И. Лакатосу), когда теория немедленно отбрасывается в результате столкновения с отдельной аномалией. Он предстает, скорее, как критическая установка против «плохой науки», т.е. корыстного стремления к успеху во что бы то ни стало, вне связи с ростом нового истинного знания. Научная солидарность – это не круговая порука, не конформизм, но объединение вокруг лидера и учителя, чтобы одарить и получать знания, чтобы защищать и развивать научную школу, чтобы конкурировать не за звания и должности, но за приоритет в открытии. Солидарность – это следование лучшим и изоляция от худших моральных примеров.

В качестве общественного блага наука выступает не как некоторая ценность, которую невозможно приватизировать – такой чисто экономический взгляд на науку не выдерживает критики [4]. Наука *приносит, дарит* обществу благо, от которого оно не может и не имеет права отказаться. А именно, наука выступает под знаменем рационального дискурса и коммуникации с критикой всех общественно-значимых решений и лозунгов, которые не могут пройти сквозь сито научной экспертизы. Поскольку же девизом информационного общества является подмена знания информацией, то именно на информационную повестку и нацелена внешняя критическая функция науки. Это касается в первую очередь феномена пост-правды, информационных фейков, преподносимых от имени науки. Сегодня новостные блоки пестрят сообщениями о том, что «ученые нечто доказали». Речь идет о вреде / пользе красного мяса, яиц, алкоголя, баклажанов или сыра. Нам сообщают о рисках / преимуществах телепатии, гомеопатии, машины времени, искусственного интеллекта. Мы узнаем о новой возможности / невозможности астероидной катастрофы, ядерного апокалипсиса, коронавируса, террористической атаки. Нас информируют об истинной / ложной истории Ивана Грозного, Великой отечественной войны, Холокоста, украинского Майдана, выборов Трампа. И едва ли не всякий раз оказывается, что под этим информационным майонезом нам предлагают порцию коммерческой рекламы или идеологического промывания мозгов.

Иное дело, что современное научное сообщество и общество в целом не готовы к «экономике дара». Большинство просто не в состоянии принять дар, предлагаемый наукой, потому что она отделяет знающих от незнающих. Тем самым наука накладывает слишком сильные эпистемические обязательства на людей, далеко не всегда проникнутых идеей научного призвания. Для них

такой дар оказывается тяжким грузом и даже ядом [2, 5]. Однако подлинная мораль состоит не в благополучии правильного поступка; она есть достоинство перед лицом несправедливости. Испытание общественным безразличием или даже враждебностью к истине – вот настоящий путь приобщения к научному этосу [6].

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958. 133 с.
2. *Данько С.В.* Парадоксы «Лекции об этике» Л. Витгенштейна // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 186–196.
3. *Mauss M.* The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. London: Cohen & West. 1966. 160 p.
4. *Callon M.* Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology, & Human Values. 1994. Vol. 19, № 4. P. 395–424.
5. *Moore G.* The politics of the gift. Exchanges in structuralism. Edinburgh UP, 2011. 240 p.
6. *Касавин И.Т.* Наука как этический проект // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 90–103.

Илья Т. Касавин, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: itkasavin@gmail.com; <https://iphras.ru/kasavin.htm>

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 249–254.

DOI: 10.17223/1998863X/55/25

THE ETHICAL PARADOX OF SCIENCE: BETWEEN THE ABSOLUTE AND SOLIDARITY

Keywords: ethics of science; history of science; scientific community; science as profession and vocation; gift; science as public good.

The article focuses on the problem of building a consistent ethics of science, capable to ensure the solidarity of the scientific community, on the one hand, and the critical thinking of the scientist in search for new true knowledge, on the other. The lack of pragmatic legitimization of science goes hand in hand with the indistinguishability of the reliable basis for scientific vocation, with the difficulty of rational articulation of moral and epistemic intuitions. This cannot be facilitated by the modern myth of science, which has the features of rationalistic technocracism. The internal and external history of science as a profession provides no explanation or justification for scientific vocation as an embodiment of an existential choice. The latter is understood only as a prehistoric, residual phenomenon similar to a sacrifice or a ritual gift. Recognized at the basis of all initial exchanges, the gift demonstrates its ambivalent character in science. It ensures the existence of science as a public good, which is also a heavy burden for those who are unable to follow its moral example. Both the intrascientific and external ethics of science are thus a challenge for the scientific community and society as a whole.

References

1. Wittgenstein, L. (1958) *Logiko-filosofskiy traktat* [Logico-philosophical treatise]. Translated from German by I.S. Dobronravova, D. Lakhuti. Moscow: Nauka.
2. Danko, S.V. (2018) Paradoksy “Lektzii ob etike” L. Vitgenshteyna [Paradoxes of “Lectures on Ethics” by L. Wittgenstein]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 186–196.
3. Mauss, M. (1966) *The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. London: Cohen & West.
4. Callon, M. (1994) Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. *Science, Technology, & Human Values*. 19(4). pp. 395–424. DOI: 10.1177/016224399401900401
5. Moore, G. (2011) *The Politics of the Gift. Exchanges in Structuralism*. Edinburgh UP.
6. Kasavin, I.T. (2019) Nauka kak eticheskiy proekt [Science as an ethical project]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 90–103.